

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Александр Борисович Лисюткин

*Профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной
юридической академии, доктор юридических наук, профессор*

E-mail: al.lisyutkin2010@yandex.ru

Проблема истинности и достоверности юридического знания

Аннотация: в статье анализируется проблема истинности и достоверности абстрактно-теоретических конструкций, используемых в юридической науке и практике. Постановка данной проблемы обусловлена трансформацией юридической науки и практики в постсоветский период, сопровождающейся существенной динамикой категориального аппарата, который был разработан в советском правоведении. Анализ научно-эмпирических фактов позволяет утверждать, что эта динамика выражается в существенном увеличении количества парадоксальных суждений и ложных умозаключений. В статье ставится вопрос о причинах возникновения данной тенденции в правоведении. Изучение заблуждений позволило сделать вывод о целесообразности разработки методики оценки соответствия началам истинности и достоверности вводимых в научно-эмпирический оборот универсальных понятий, обозначающих особенности современной политико-правовой реальности. Раскрываются отдельные аспекты применения формально-логических и теоретико-эмпирических критериев достижения истинности и достоверности юридического знания.

Ключевые слова: истина, достоверность, методология, метод, методика, абстрактно-эмпирическое понятие, юридическое знание, научно-познавательные стандарты оценки, формально-логическая форма, выражение юридического знания, онтология знания, правоведение, юридическая практика.

Alexandr Borisovich Lisjutkin

*Professor of the Department of theory of state and law of the Saratov
State Law Academy, doctor of legal sciences, professor*

The Problem of Truth and Reliability of Legal Knowledge

Annotation: the article analyzes the problem of truthfulness and reliability of abstract-theoretical constructions used in legal science and practice. Formulation of this problem is due to the transformation of legal science and practice in the post-Soviet

period, accompanied with significant dynamics of the categorical apparatus, which was developed in the Soviet law science. Analysis of scientific and empirical facts allows to claim that this dynamics is expressed in essential increase in number of paradoxical judgments and false conclusions. The article raises the question of the causes of this trend in the law science. Study of misconceptions has led to a conclusion that it is expedient to develop a methodology for assessing conformity of the universal concepts introduced into the scientific-empirical circulation with the principles of truth and reliability, indicating the peculiarities of the modern political and legal reality. Certain aspects of application of formal-logical and theoretical-empirical criteria of achievement of truthfulness and reliability of legal knowledge are revealed.

Keywords: *truth, authenticity, methodology, method, technique, abstract-empirical concept, legal knowledge, scientific-cognitive evaluation standards, formal logical form, expression of legal knowledge, ontology of knowledge, law science, legal practice.*

Одной из фундаментальных задач юридической науки всегда была и остается задача достижения истинности и достоверности полученного знания закономерностей возникновения и развития государственно-правовых явлений и соответствующих форм их выражения в конкретных логических конструкциях и юридических практиках. Решая поставленную задачу, общая теория государства и права формулировала и описывала полученные знания через конкретные понятия, категории, концепции и т. д. Практика же выбирала только те из них, которые были востребованы для решения прикладных проблем и отвечали требованиям объективности.

Поэтому объектом оценки выступают отдельные аспекты правоведения, касающиеся соответствующих теоретико-эмпирических форм выражения знания. Сложность решения поставленной проблемы обусловлена отсутствием в юридической науке методик проведения такого анализа. В связи с этим принципиальное значение приобретают формально-логические и общенаучные подходы к преодолению в методологии юридической науки этого познавательного пробела. В качестве алгоритма действия по оценке предлагается использовать общеизвестные способы — доказывание суждений, умозаключений, понятий и т. д., а также поиск противоречий в построении смысловых и контекстовых интерпретаций юридической практики и применении научного аппарата.

С учетом изложенного значимым становится вопрос о степени абсолютизации теоретического знания в юриспруденции. Следует отметить, что заявленная проблема не была всеобщей и универсальной, поскольку каждый этап в эволюции государственно-правовой формы организации и жизнедеятельности общества привносил в них свои особенности. В то время как абсолютным значением в ходе эволюции юридической науки и практики обладали требования (начала) истинности и достоверности, предъявляемые к теоретическим знаниям. Особенно остро этот вопрос стоял перед правоведением в переходные годы, времена смут и кризисов. Такие периоды истории обнажали недостатки и противоречия теоретико-эмпирической мысли. Они стимулировали возникновение новых теорий относительно общеизвестных явлений социально-экономической реальности, трансформацию научного аппарата и заблуждения.

Более того, на переломных этапах исторического развития юриспруденции существенно возрастает дивергенция внутривидовых элементов теорий и других форм выражения научных знаний. Данные особенности ведут к глубокой диверсификации общей и прикладной методологии научного

и профессионального познания, что служит причиной возникновения неоднозначного объяснения государственно-правовых явлений. Указанные обстоятельства усугубляются вовлечением юридической науки в метатеоретические проекты исследования государства и права. Такое направление научных исследований только усиливает негативные процессы в познании.

Очевидным свидетельством отмеченных тенденций выступают фундаментальные изменения в социально-экономической сфере на рубеже XX и XXI столетий. Они привели к глобальным трансформациям политической и правовой систем Российской Федерации и негативным образом отразились на качестве содержания юридического знания. Как следствие, с особой остротой встали два фундаментальных вопроса: во-первых, как обеспечить истинность и достоверность знания; во-вторых, как определить функциональное назначение теоретико-эмпирических конструкций в познавательной деятельности, используемых для выявления и описания государственно-правовых явлений в правоведении.

Обозначенная проблема имеет и сугубо практический контекст, т. к. практика является критерием истинности теоретических абстракций. Одним из проявлений кризиса юридической науки выступает комплексное заимствование международных практик в ходе выстраивания правовой и политической систем современного российского общества. Это обусловило внедрение в теорию государства и права ранее мало используемых в отечественной юриспруденции понятий и других конструкций, например, «легитимность» пришла на смену «законности», «правовая жизнь» привела к выведению из научно-практического оборота категории «форма движения правовой материи», «правовое поле» снизило потенциал понятий «правоотношение» и «правопорядок». Приведенный перечень не является исчерпывающим.

В условиях углубляющейся диверсификации отраслей юридического знания и права их технологизация, активное использование формально-логического и общенаучного аппарата только усиливают потребность в истинности и достоверности знания. Поставленная проблема приобрела качества фундаментальной. Не соответствующие началам объективности легализуемые в юридической науке и практике категории отражаются на состоянии и развитии всех сфер правоведения. Перечисленные обстоятельства требуют комплексного и всестороннего изучения и объяснения во всех отраслях юридического знания, не только теоретико-правовых.

В силу объективных и субъективных причин бывает довольно сложно провести теоретическое осмысление вновь создаваемых абстракций, поскольку предмет анализа имеет односложные и бездоказательные утверждения. В таких случаях важная роль в подтверждении или опровержении истинности и достоверности внедряемых в юридическую науку теоретических абстракций принадлежит логическому аппарату. Данный факт обусловлен отсутствием обоснования суждений в научных публикациях, что препятствует проверке на соответствие истине и достоверность.

Следует указать еще на одну тенденцию в эволюции теоретико-эмпирических знаний юридической науки и форм их выражения — это обращение к универсальным абстрактным конструкциям, например, «легитимность», «интерес» и др. В условиях фундаментальной динамики юридической практики — это

обоснованное стремление участников познавательной деятельности, субъектов нормотворчества и правоприменения. Оно преследует цель расширить потенциал для маневра в оценке и осмыслении юридических практик. Реализация такой тенденции отражает трансформационную эволюцию правовой системы страны. Реакция научного сообщества на этот факт неоднозначна.

Отдельные специалисты указывают на положительные стороны универсализации, которая будет способствовать созданию единого универсального научно-практического аппарата, используемого в выражении знаний и оценке практик. Решение этой методологической и эмпирической задачи предполагает установление логически непротиворечивой связи между общенаучными и специальными знаниями, формами их выражения, которые используются в юриспруденции. Однако имеет место и противоположное мнение. В частности, обращается внимание на тот факт, что универсализация увеличивает количественный и качественный рост допущений, неопределенностей, усмотрений, волюнтаризма в работе над абстрактно-теоретическими конструкциями и их использованием в юридической практике.

В своем единстве перечисленные издержки теоретического знания выдвигают вопрос о способности правоведения воспроизводить адекватную объективной реальности, достоверную информацию о закономерностях возникновения и развития государства и права. Постановка этой проблемы подтверждается ростом парадоксальных квазиправовых абстракций. Следствием этого процесса в юридической науке является подмена критериев истинности суждений, умозаключений ссылками на мнения отдельных представителей познавательного процесса. Как правило, такой алгоритм исследования государственно-правовых явлений выражается в простой утвердительной форме как аксиоматической данности.

Отмеченная в общей теории государства и права методологическая процедура приобретает качества тенденции и самостоятельного элемента предмета познания, широко применяемого для изучения юридической практики. Для максимализации истинности и достоверности абстрактно-теоретических понятий необходимо отыскать оптимальные научные и прикладные формы выражения юридических знаний. Дело в том, что любые теоретико-правовые положения как результат познания предполагают необходимость их научной формализации и практической трансформации через использование соответствующих методик применения методов познания.

Теоретический и прикладной уровень фиксации знания допускает возможность выдвижения вопроса об истинности полученных результатов изучения закономерностей возникновения и развития государственно-правовых явлений. Поэтому, когда в теории описываются юридические факты с помощью умозрительных конструкций, опирающихся на идеализированные и бездоказательные образы, формулируемые субъектами познания, происходит искажение истинности научной информации и деградация научного и профессионального правосознания. Именно сознание выражает единство эмпирического и теоретического знания.

В связи с этим следует отметить, что любое теоретическое осмысление государственно-правовых явлений и процессов должно опираться на материализованные знания. Материализация и формализация обеспечивают

наблюдаемость и проверяемость на истинность и достоверность суждений, умозаключений, выводов. Апробация познавательных результатов на практике — это условие реализации начал истинности и достоверности юридического знания. Предложенный вариант оценки объективности знания предполагает поиск соответствующих методологических и эмпирических аналогов, формализуемых в науке и на практике абстрактно-теоретических моделей.

Решение поставленной задачи обеспечивает получение достоверной информации, а не умозрительных выводов. На этой мировоззренческой базе составляется прогностическая вероятностная модель и алгоритм последующего изучения и внедрения полученных теоретико-эмпирических результатов в конкретной сфере человеческой деятельности. Отмеченный процесс онтологизации юридического знания предупреждает возможность наступления абстракционистской потери их семантического, теоретического и практического содержания и функционального потенциала. Однако усложнение социально-экономических отношений затрудняет установление прямых и косвенных зависимостей на прикладном и теоретическом уровне выражения знания.

Описанный факт свидетельствует о системной динамике юридических знаний. Она выступает одной из причин диверсификации связей между научным и профессиональным правосознанием. Высказанное суждение подтверждает вывод об увеличении неопределенностей в структуре познавательной деятельности. Это предпосылка выведения юридической практики за горизонт определенностей абстрактно-теоретических конструкций. Сложившееся качественное состояние в правоведении — это следствие отступлений юридической науки от требований истинности и достоверности. Оно ведет к формированию необходимой среды для возрождения идеалистических методов познания и объяснения.

В приведенной динамике достижение достоверности и востребованности теоретических положений юридической практикой — первейшая задача. Постановка данной познавательной проблемы предполагает проведение ревизии всего функционального потенциала научного аппарата. Комплексный методологический анализ понятий, категорий и других абстрактных конструкций — объективное веление времени, вытекающее из глобальных трансформаций форм движения правовой материи.

Следовательно, существование и решение проблемы истинности юридического знания находится в прямой зависимости от тенденций эволюции государственно-правовой формы организации и жизнедеятельности современного российского общества. Они определяют содержание юридического мировоззрения, структуру научного аппарата правоведения и ее фундаментальных понятий. Данный вывод имеет свое подтверждение в методологии, например, в юриспруденции используется множество понятийных и функциональных рядов, которые выражают однородные понятия. В связи с этим они нуждаются в осмыслении мировоззренческой и логической основы юридических знаний и их систематизации.

Целью решения поставленной задачи является создание непротиворечивого и взаимообусловленного научного аппарата, способного удовлетворить современные запросы профессионального правосознания. Данное утверждение базируется на прямой зависимости логических форм выражения

теоретического знания и фактического состояния научного и профессионального правосознания. Следовательно, вопросы истинности и достоверности знания зависят от уровня овладения мировоззрением и информацией о тенденциях развития юридической практики в правовой системе Российской Федерации. Конечно, решая поставленную методологическую и практическую задачу, не следует забывать о профессиональном уровне подготовки кадрового потенциала научно-образовательных учреждений как основного носителя и потребителя теоретических и прикладных знаний. В своем единстве приведенные условия определяют возможность достижения положительного эффекта в ходе теоретического осмысления современных тенденций развития государства и права. Поэтому проблема истинности и достоверности юридического знания, помимо прочего, определяется мировоззренческим и профессиональным потенциалом юридической практики.

Последовательное решение выдвинутых задач, прежде всего, предполагает проведение анализа фактического состояния формы выражения юридического знания и способов его создания. Дело в том, что понятия правоведения неоднородны по своему функциональному потенциалу и востребованности практикой. В связи с этим юридической науке целесообразно определиться с базовыми монадами, которые позволят сформулировать достаточно адекватные теоретические и отраслевые категории. Более того, монады служат термино-лексическим фундаментом построения логически непротиворечивой структуры юридического знания и использования познавательной деятельности грамматики русского языка.

Одним из ярких примеров, подтверждающих сказанное, выступает небесспорное утверждение о противоположности категорий публичного и частного права. В тексте оно приводится без каких-либо аргументов и доказательств. Между тем в первую очередь стоило бы обратить внимание на действующие правила русского языка¹. Они содержат прямые предписания для изучения приведенных языковых знаков. Кроме того, существуют монографические исследования, которые опровергают такое отношение к публичному и частному праву².

Поэтому для достижения истинности и достоверности необходимо учитывать семантические особенности словообразования, которые применяются для обозначения конкретных государственно-правовых явлений. Они принадлежат к научным и практическим средствам фиксации, переработки и передачи информации об объекте исследования³, с помощью которых описываются соот-

¹ См.: Словообразовательные и термино-лексические трудности русского языка : словарь-справочник / рук. авт. коллектива А. А. Семенюк, И. Л. Городецкая, М. А. Матюшина и др. М., 1984. С. 375–376, 388–389, 539–540; *Смирнова Е. Д.* Основы логической семантики. М., 1990. С. 18–23, 42–78; *Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1996. С. 246–327.

² Более подробно об этом см.: *Ануфриева Л. П.* Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002. С. 12–320, 365–413.

³ См.: *Смирнова Е. Д.* Указ соч. С. 3; *Светлов В. А.* Практическая логика. М., 1995. С. 264–266, 298–306; *Фреге Г.* Логика и логическая семантика / пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. М., 2000. С. 230–262; *Серио П.* Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. / пер. с франц. Н. С. Автономовой. М., 2001. С. 243–245.

ветствующие зависимости. Вот что об их функциональной роли писал известный русский словесник и педагог-филолог В. А. Малаховский: «Неправильные смысловое и контекстовое использование языковых знаков в процессе обучения и воспитания разрушает уже укрепившуюся систему графических образов слова и, таким образом, является фактором, разрушающим культуру»¹.

В приведенном примере имеет место комплексное игнорирование семантических процедур выявления контекстового и функционального смыслообразования публичного и частного права и их применения в юридической практике. Налицо нарушение всех логических правил и методических рекомендаций по изучению правовых явлений. Подобное отношение к теоретическим исследованиям создает предпосылки для искажения знания и формирования ложного представления о видах зависимостей между знаком и обозначаемым объектом. Такого рода издержки в познавательной деятельности выводят формулируемое понятие за пределы объективности оценочных абстракций.

Описанный случай со всей очевидностью свидетельствует о том, что сколько бы точно не воспроизводился смысл используемого языкового знака в справочно-энциклопедической литературе, он не дает достоверного представления об обозначаемом явлении. Любые термино-лексические конструкции предполагают выяснение процедур контекстового смыслообразования и функционального назначения. Однако и этот прием недостаточен для подтверждения истинности конкретного понятия без выяснения связи с юридической практикой. Достаточно напомнить спор между представителями нормативного позитивизма и либертаризма о том, каков смысл выдвигаемых ими утверждений о правопонимании.

Смысловое и функциональное многообразие государственно-правовых явлений и процессов, выражаемых с помощью научного аппарата юриспруденции, базируется на подмене терминов или рассматривается как частный случай функции. Между тем все чаще встречающиеся в юридической практике нелинейные зависимости почему-то игнорируются научным сообществом или подменяются описательными сентенциями. На наш взгляд, одним из вариантов преодоления приведенных недостатков выступает решение следующих задач: во-первых, подготовка профессиональных кадров высокой квалификации; во-вторых, развитие и совершенствование мировоззренческого потенциала юриспруденции; в-третьих, разработка алгоритма совершенствования юридической науки в интересах юридической практики; в-четвертых, разработка методических рекомендаций для оценки проводимых исследований на соответствие истинности и достоверности.

Сложившаяся в постсоветский период модель развития правоведения, как правило, игнорирует формально-логическую вертикальную и горизонтальную иерархическую зависимость знаний и практик. Между тем использование нелинейных системообразующих моделей в науке, внедрение в юридическую практику заимствований и отказ от проверки разрабатываемых абстрактно-теоретических конструкций на соответствие требованиям объективности стимулирует комплексную диверсификацию и деградацию юриспруденции. Одним из примеров выступает полемика, развернувшаяся

¹ Малаховский В. А. Очерки по методике русского языка // Хрестоматия по методике русского языка : учеб. пособие / авт.-сост. В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов. М., 1995. С. 53; см. также: Серю П. Указ. соч.

между представителями Свердловской школы права и учеными Российского государственного университета правосудия по поводу интегративного понимания¹.

Объем статьи не позволяет полностью описать содержание заявленной комплексной проблемы. Поэтому автор подготовит цикл публикаций, включающих как теоретические, так и методические рекомендации по использованию методологических конструкций по изучению места и роли истинности и достоверности в познавательном процессе юриспруденции.

Пристайный библиографический список

1. Ануфриева, Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории / Л. П. Ануфриева. — М. : Спарк, 2002. — 415 с.

2. Малаховский, В. А. Очерки по методике русского языка // Хрестоматия по методике русского языка : учеб. пособие / авт.-сост. В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов. — М. : Слово, 1995. — С. 52–61.

3. Светлов, В. А. Практическая логика / В. А. Светлов. — СПб. : Изд-во РХГИ, 1995. — 472 с.

4. Серио, П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. / П. Серио ; пер. с франц. Н. С. Автономовой. — М. : Язык славянской культуры, 2001. — 360 с.

5. Смирнова, Е. Д. Основы логической семантики / Е. Д. Смирнова. — М. : Высшая школа, 1990. — 144 с.

6. Фреге, Г. Логика и логическая семантика / Г. Фреге ; пер. с нем. Б. В. Бирюкова ; под ред. З. А. Кузичевой. — М. : Аспект Пресс, 2000. — 512 с.

7. Черданцев, А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. — 2016. — № 10. — С. 5–14.

References

1. Anufrieva, L. P. Sootnoshenie mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava: pravovye kategorii [Relationship between public international and private international law: legal categories] / L. P. Anufrieva. — M. : Spark, 2002. — 415 p.

2. Cherdancev, A. F. Integrativnoe nedoponimanie prava [Integrative misunderstanding of law] // Zhurnal Rossijskogo prava. — 2016. — No. 10. — P. 5–14.

3. Frege, G. Logika i logicheskaja semantika [Logic and logical semantics] / G. Frege; transl. from German by B. V. Birjukov; ed. by Z. A. Kuzicheva. — M.: Aspekt Press, 2000. — 512 p.

4. Malahovskij, V. A. Oчерки по metodike russkogo jazyka [Essays on the methodology of the Russian language] // Hrestomatija po metodike russkogo jazyka : training manual / aut.-compil. V. F. Ivanova, B. I. Osipov. — M. : Slovo, 1995. — P. 52–61.

5. Sériot, P. Struktura i celostnost': Ob intellektual'nyh istokah strukturalizma v Central'noj i Vostochnoj Evrope. 1920–30-e gg. [Structure and integrity: intellectual origins of structuralism in the Central and Eastern Europe. 1920–30s.] / P. Sériot; trans. from French by N. S. Avtonomova. — M.: Jazyk slavjanskoj kul'tury, 2001. — 360 p.

¹ См.: Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–14.

6. Smirnova, E. D. Osnovy logicheskoj semantiki [The foundations of logical semantics] / E. D. Smirnova. — M.: Vysshaja shkola, 1990. — 144 p.

7. Svetlov, V. A. Prakticheskaja logika [Practical logic] / V. A. Svetlov. — SPb.: RHGI Publishers, 1995. — 472 p.